

Божко Е. М.

МЕСТО РЕАЛИЙ В СИСТЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/9.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 27-29. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список использованной литературы

1. **Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** Язык и культура. - М., 1990.
2. **Виноградов В. С.** Лексические вопросы перевода художественной прозы. - М., 1978.
3. **Тер-Минасова С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. - М.: Слово/Slovo, 2000. - 624 с.

МЕСТО РЕАЛИЙ В СИСТЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Божко Е. М.

ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Взаимодействие двух видов знаний - языковых и внеязыковых (фоновых) - имеющее место в любом отдельно взятом тексте, особенно явственно обнаруживается в процессе теоретического анализа при сопоставлении текстов, представляющих разные языки и соответственно - в условиях интеркоммуникации, т. е. общения между носителями разных языков и разных культур.

Переводческая коммуникация - коммуникация специфическая, т.к. она осуществляется в условиях различия языков и культур, включенных в крайние ее фазы.

Текст как единица коммуникации и законченное речевое произведение несет определенную информацию, в которой могут также в большей или меньшей степени отражаться факты и особенности данной национальной культуры в широком смысле слова. Эта часть содержания текста вместе с соответствующими языковыми средствами и образует национально-культурный аспект текста, а также составляющих его коммуникативных и номинативных единиц низшего ранга. Как отмечает А. Д. Райхштейн, «в национально-культурном аспекте текста... могут быть выделены универсальные (общечеловеческие), региональные (ограниченные в рамках национальных культур) и национально-специфические элементы» [Райхштейн 1986: 10-14].

Последние представляются наиболее интересными, поскольку именно национально-специфические элементы национально-культурного аспекта текста, выделяемые относительно другого языка и другой культуры играют особую роль в межязыковой и межкультурной коммуникации, в том числе и в переводе. Неумение переводчика увидеть такие национально-специфические элементы текста оригинала ведет к потере в тексте перевода национально-культурного содержания подлинника и в конечном итоге - к неэквивалентному или неадекватному переводу.

Поскольку текст является инструментом в процессе межкультурной коммуникации, он оказывается элементом, принадлежащим одновременно двум системам - исходной культуре и культуре реципиента, получателя текста перевода. Текст не только оказывает влияние на реципиента, но и сам подвергается воздействию иной культуры. Применительно к процессу перевода текст-оригинал является для реципиента фрагментом некоторой чужой лингвокультурной общности, которую он воспринимает с помощью текстов-переводов.

Сохранение национального своеобразия подлинника предполагает функционально верное восприятие и передачу целого сочетания элементов. В качестве таких элементов выступают, прежде всего, реалии национальной культуры, как денотативные, так и коннотативные, выраженные как нарицательной, так и ономастической лексикой.

При сопоставлении языков и культур выделяются элементы совпадающие и несовпадающие. Будучи компонентом культуры, язык в целом относится к элементам несовпадающим. Чем самобытнее сравниваемые языки, чем меньше в их истории было культурных контактов, тем меньше у них точек соприкосновения, тем более разнятся они в целом и поэлементно. К несовпадающим элементам относится, прежде всего, предметы, обозначаемые *безэквивалентной лексикой*.

Безэквивалентная лексика сравнительно легко опознается при сопоставлении языков, ибо в ней нагляднее всего проявляется специфика расчленения действительности данным языком и специфика его культуры.

Термин «*безэквивалентная лексика*» встречается у многих авторов (Г. В. Чернов, Я. И. Рецкер, В. Н. Комиссаров, А. Д. Швейцер, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, Л. С. Бархударов, С. Влахов и С. Флорин и др.), однако понятие это все трактуют по-разному. Так, А. Д. Швейцер относит к безэквивалентной лексике «лексические единицы, служащие для обозначения культурных реалий, не имеющих точных соответствий в другой культуре» [Швейцер 1988: 108]. В. Н. Комиссаров называет безэквивалентными «единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода» [Комиссаров 1990: 147]. Болгарские лингвисты С. Влахов и С. Флорин дают свое определение, которое заметно сужает границы безэквивалентной лексики: «безэквивалентная лексика - лексические единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов в переводящем языке» [Влахов, Флорин 1986: 51].

С. Влахов и С. Флорин предлагают также более четко отграничить безэквивалентную лексику от реалий. По их мнению, наиболее широким по своему содержанию является понятие безэквивалентной лексики. Реалии же входят в рамки как безэквивалентной лексики самостоятельный круг слов. Отчасти покрывают круг реалий, но, вместе с тем, отчасти выходят за пределы безэквивалентной лексики термины, междометия и звукоподражания, экзотизмы, аббревиатуры, обращения, отступления от литературной нормы; с реалиями соприкасаются имена собственные (с множеством оговорок). Все в тех же границах безэквивалентной лексики значительное место занимают слова, которые можно назвать собственно безэквивалентной лексикой

или безэквивалентной лексикой в узком смысле слова - единицы, не имеющие по тем или иным причинам лексических соответствий в переводящем языке [Влахов, Флорин 1986: 51-52].

Многие из авторов, говорящих о *реалиях*, дают приблизительные, неполные определения, отмечая лишь те или иные признаки, освещая ту или иную сторону этого понятия. Л. Н. Соболев термином «*реалия*» обозначает «бытовые и специфически национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, а следовательно, и в языках других стран» и «слова из национального быта, которых нет в других языках, потому что нет этих предметов и явлений в других странах» [Соболев 1955: 290]. Вл. Россельс видит в реалиях «иноязычные слова, которые обозначают понятия, предметы, явления, не бытующие в обиходе того народа, на язык которого произведение переводится» [Россельс 1955: 169]; таким образом, он рассматривает реалии с точки зрения переводящего языка.

Некоторые авторы, принимая реалию как «реалию-предмет», не толкуют особо «реалию-слово». А. В. Федоров говорит о «словах, обозначающих национально-специфические реалии» [Федоров 1983: 146]. Я. И. Рецкер под «безэквивалентной» лексикой подразумевает «прежде всего, обозначение реалий, характерных для страны исходного языка и чуждых другому языку и иной действительности» [Рецкер 1974: 58]. В том же ключе толкует реалии А. Д. Швейцер. Очень сжатую дефиницию реалий дает Л. С. Бархударов: «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [Бархударов 1975: 95].

Таким образом, в лингвострановедении и других филологических науках существует двоякое понимание реалии:

- 1) как предмета, понятия, явления, характерного для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны и не встречающиеся у других народов;
- 2) как слова, обозначающего такой предмет, понятие, явление, а также словосочетания (обычно - фразеологизм, пословица, поговорка, присловье), включающего такие слова.

С. Влаховым и С. Флориным предлагается наиболее полное, на наш взгляд, определение реалии как особой категории средств выражения: реалии - «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общем основании», требуя особого подхода» [Влахов, Флорин: 55].

Денотативные реалии, которые можно считать элементарными единицами сопоставительного лингвострановедения, наиболее наглядно демонстрируют национальное своеобразие культур. Значительную же трудность в сопоставительном лингвострановедении представляет выделение *слов с национально-культурными коннотациями*. Самые обычные слова, совпадающие в своем предметном значении, могут обладать дополнительными значениями, обусловленными национально-культурными факторами. Они связаны с фольклором и другими культурными традициями народа - носителя языка.

Для лингвострановедения интерес представляют именно эти дополнительные смысловые оттенки, являющиеся результатом национального «видения мира» или культурно-исторического развития определенной нации. Исходя из национального характера ассоциаций, сопряженных с определенными предметами реальной действительности и не имеющих аналогичных ассоциаций в сопоставляемой культуре, возникает необходимость включения в число реалий и коннотативных слов.

Коннотативные реалии - это слова, обозначающие «предметы, ничем не отличающиеся от аналогичных предметов сопоставляемых культур, но получившие в данной культуре и языке особые дополнительные значения, основанные на культурно-исторических ассоциациях, присущих только данной культуре» [Томахин 1988: 220-221].

Следует особо подчеркнуть, что по сравнению с другими словами языка отличительной чертой реалии является характер ее предметного содержания, т. е. тесная связь обозначаемого реалией предмета, понятия, явления с народом (страной), с одной стороны, и историческим отрезком времени - с другой. Таким образом, реалии присущ соответствующий национальный (местный) или исторический колорит.

В реалиях наиболее наглядно проявляется близость между языком и культурой: появление новых реалий в материальной и духовной жизни общества ведет к возникновению реалий в языке, причем время появления новых реалий можно установить довольно точно, так как лексика чутко реагирует на все изменения общественной жизни. Среди реалий всегда можно выделить реалии-неологизмы, историзмы, архаизмы. Отсюда следует, что реалиям присущ и временной колорит.

При ответе на вопрос, какие слова следует считать реалиями, необходимо учитывать, что поскольку национальная культура находит свое выражение не только в нарицательной, но и ономастической лексике, то в число реалий следует включить и ономастическую лексику, обладающую ярко выраженными национально-культурными ассоциациями.

Реалиями считаются слова - носители знаний, выступающих только в виде фоновых в массовом обыденном сознании носителей языка, поэтому к реалиям нельзя относить всякие энциклопедические знания. Почти в каждом художественном произведении можно встретить изречения и цитаты, заимствованные из других произведений. Понимание значения самой цитаты не представляет особой трудности, но ее смысл и смысл всего высказывания не может быть понят, если неизвестен контекст, из которого она взята. Таким об-

разом, реалиями считают также «цитаты, крылатые слова и выражения, которые относятся к реалиям афористического уровня» [Томахин 1988: 10].

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим, что реалии являются компонентом фоновых знаний, необходимых для понимания иноязычного текста. Недостаточное знание истории страны, важнейших исторических событий, ее крупнейших политических и исторических деятелей приводит к непониманию сравнений, исторических ссылок и т. д. и в конечном итоге к языковой некомпетентности. Сама специфика реалий такова, что «они часто находятся вне фонда знаний носителей другой культуры и другого языка» [Швейцер 1988: 153]. В этой связи особый интерес представляет проблема передачи иноязычных реалий средствами переводящего языка.

Список использованной литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. - М.: Международные отношения, 1975.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. - М.: Высшая школа, 1986.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода. - М.: Высшая школа, 1990.
4. Райхштейн А. Д. Национально-культурный аспект интеркоммуникации // Ин. языки в школе. - 1986. - № 5. - С. 10-14.
5. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. - М.: Международные отношения, 1974. - С. 58.
6. Россельс Вл. Перевод и национальное своеобразие подлинника // Вопросы художественного перевода. - М.: Сов. писатель, 1955.
7. Соболев Л. Н. О переводе образа образом // Вопросы художественного перевода. - М.: Сов. писатель, 1955.
8. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы: Пособие по страноведению. - М.: Высшая школа, 1988.
9. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. - М.: Высшая школа, 1983.
10. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. - М.: Наука, 1988.

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ КАК ОДНА ИЗ ЗАДАЧ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Бокатина Ю. И.

Филиал Самарского государственного университета путей сообщения в г. Рузаевке

Очевидно, что в современном мире более значимыми и эффективными являются не разрозненные знания, а обобщенные умения, которые мобилизуют личностный потенциал и проявляются в решении жизненных, профессиональных, социальных, экологических и других проблем. Темпы обновления знаний, усиление самостоятельности индивида привели к кризису знаниевой образовательной парадигмы. Вследствие этого в настоящее время всё большее распространение получает компетентностный подход, который даёт ответы на запросы производственной сферы (Т. М. Ковалёва), проявляется как обновление содержания образования в ответ на изменяющуюся социально-экономическую реальность (И. Д. Фруммин).

Владение языком относится к одной из пяти ключевых компетенций, предложенных Советом Европы. Это связано с тем, что язык обеспечивает общественно значимую возможность отражения окружающей человека действительности и самого себя, то есть представляет собой форму хранения знаний, основное средство человеческого общения и получения нового знания [Голдованская 2008: 121]. Следовательно, на современном этапе общественного развития формирование коммуникативной компетентности в процессе обучения школьников русскому языку приобретает особую актуальность.

Обратимся к рассмотрению основных концептуальных положений компетентностного подхода.

Компетентностный подход выдвигает на первое место не информированность человека, а его умение решать проблемы (см. работы В.В. Серикова). Его основой стали идеи общего и личностного развития, сформулированные в контексте психолого-педагогических концепций развивающего и личностно-ориентированного образования. Категориальная база этого подхода непосредственно связана с идеей целенаправленности образовательного процесса, при котором компетенции задают высший, обобщенный уровень умений и навыков, а содержание образования определяется четырехкомпонентной моделью (знания, умения, опыт творческой деятельности и опыт ценностного отношения) [Бермус 2005].

Внутри компетентностного подхода выделяются два базовых понятия: *компетенция* и *компетентность*. В настоящее время в отечественной педагогической науке существуют различные определения данных понятий (см. труды А. Г. Бермуса, Е. В. Бондаревской, И. А. Зимней, А. В. Хуторского и др.). По мнению А. В. Хуторского, компетенция включает совокупность взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним. Компетентность представляет собой владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности [Хуторской 2003: 111-113]. В этом же контексте функционирует и понятие *образовательная компетенция*, которая, по мнению А. В. Хуторского, представляет собой «требование к образовательной подготовке, выраженное совокупностью взаимосвязанных смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта деятельности обучаемого по отношению к определённым кругу объектов реальной действительности, необхо-